

ЭКСПЕДИЦИЯ ВО МРАК

II ЧАСТЬ – ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ПРОПАСТЬЮ

2. РИСК? НЕТ – ТЕХНИКА!

1. ТЕРРА ИНКОГНИТА

Логика развития кейвинга так упорно подталкивала нас к одноверевочному варианту вертикальной техники, что настала пора и нам разобраться в нем хорошенько.

Мир пришел к пониманию SRT (*132) – техники одинарной веревки, в конце 60-х годов XX столетия почти одновременно и независимо в таких географически удаленных странах как Франция, Австралия и США. Это еще раз подтверждает, что искушение отказаться от многочисленных веревок на отвесах одолевало спелеологов во всех концах света. Что-то этакое прямо-таки витало в воздухе. Надоело таскать тяжеленные и многочисленные мешки с веревками! Надоело терять время и здоровье, "вальсируя" на колодцах и зависая на спутках и "бородах". Надоело ждать друг друга под отвесами: очередь – всегда свидетельство какого-нибудь дефицита. И чаще всего – это свидетельство дефицита ума.

На-до-е-ло!

– Э-э! – сказали осторожные ветераны. – Поаккуратнее там. А если она все же оборвется? А? Одна все-таки, веревка-то!

– Двух смертей не бывает! – воскликнули восторженные и не отягощенные излишним опытом новички. – Зато повеселимся напоследок!

– Не надо эмоций, – сказали мыслящие. – А надо сделать так, чтобы не порвалась. Вот над чем стоит поразмыслить.

Советский кейвинг отстал от мира в понимании СРТ лет на 15 – 20. Именно столько времени понадобилось нам, чтобы испробовать собственный путь развития. Плохо это или хорошо? Во всяком случае, мы имеем опыт, какого не имеет никто.

А в остальном...

Я возвращаюсь в те годы, когда мы только начинали, когда делали первые шаги в овладении языком международного кейвинга. Ведь если говорить на языке, которым пользуются другие – это ли не гарантия, что и тебя будут лучше понимать?

* * *

Лето 1978-го. Желтые сопки, раскаленные солнцем. Ветер шуршит сухобильником, да бурлит вода в простенькой старательской проходнушке (*133). Скидываю с грохота (*134) пустую гальку, загружаю следующую пробу. Полубочка, в которую стекает с проходнушки вода, того гляди переполнится песком. Пора браться за лоток.

Красноталовый лоток легок в руках. Трясу его, раскачиваю, стребаю сверху пустую породу, скидываю в ручей. От легких моих покачиваний вода ходит по лотку кругами, переносит песочек, потихоньку сносит его с лотка. Шлих (*135) постепенно сереет, затем чернеет.

Так. Теперь самое тонкое и самое интересное в нелегком труде промывальщика – отмывка золота. Если оно, конечно, в пробе есть. Особое движение лотком: черный шлих из тяжелых минералов отпрыгивает, и в коренной бороздке лотка коротко проблескивает желтизной. Есть золотишко!

Наш лагерь золоторазведчиков стоит на реке Курчум. Восточный Казахстан, но пейзаж совершенно мексиканский. Того и жди – грянут винчестеры индейцев или бандитов, и эхо выстрелов поднимет над сопками стаи уток-атаек.

Мыть золото лотком – стародавнее занятие. Есть устройства и посовременнее. Например, спиральный сепаратор, что привезли на Курчум практиканты-геологи Пермского Госуниверситета – "пермские бичи" (*136), как они представились. Знакомимся быстро, и тут – вот удача! – выясняется, что парни тоже занимаются пещерами. Шура Кашеев больше мимоходом, где-нибудь на сплаве по Чусовой, а Колька Молоков – всерьез.

Недели не проходит, как мы уже стовариваемся на совместную акцию.

– Мечта у меня, – как-то вечером говорит бич Молоков, не отрывая взгляда от костра. – В Киевскую хочу. Классная, говорят, пещера!

– Почему бы нет? – разговор степенный, как и полагается между солидными людьми двадцати с небольшим лет отроду.

– Думаю вот.

– Так там снаряги надо тьму! Почитай, километр веревки только в один конец...

– А мы и пойдем в один конец, – говорит бич Молоков. – Чего побаиваться?

– Это как – по одинарной веревке, что ли? Без страховки? Ну, это ты хватил! Чего ради рисковать?

– Так же сам говоришь, снаряжения море надо. А тут – прикидываешь? – в два раза меньше...

– А если что? Как сказал один кровельщик: "Лететь, признаться, не так уж скверно. Упасть – вот в чем мало забавного!"

– "Буржуи" же не летают.

– Так они что – по одинарной веревке ходят? Не знаю, не знаю...

Так, летом 78-го, в глухом углу Восточного Казахстана, прошелестела у моих ушей сакраментальная мысль об одинарной веревке. Тогда эта мысль показалась мне нелепой.

Откуда нам с Молоковым было знать, что за пять лет до нашей встречи Жан Клод Добрилла и Жорж Марбах опубликовали во Франции первый капитальный труд, раскрывающий основы SRT – "Техника альпийской спелеологии" (*137). Не знали мы и о том, что год назад в Сиднее вышла книга Монтгомери (*138), также посвященная работе на одинарной веревке. Были и другие источники информации, наверняка известные Центральной спелеосекции Илюхина в Москве, судя по картинкам, откровенно перерисованным ими оттуда и опубликованным в советских спелеотуристских методичках под двухверевочным соусом. Однако информация эта была недоступна простым смертным, какими являлись мы с Молоковым, а если и доходила до нас, то в трансформированном до неузнаваемости состоянии. Будь иначе, может, и не пришлось бы нам платить за собственный опыт по самой высокой цене.

* * *

Во взглядах на хождение без страховки – именно так звучал тогда вопрос об одинарной веревке – мы с Молоковым так и не сошлись. Я считал, что ходить без страховки категорически нельзя, и был по-своему прав. Молоков в вопрос о страховке не вдавался, но отстаивал возможность работы на одинарной веревке, аргументируя это облегчением веса снаряжения и неким мифическим опытом "буржуев", о котором, однако, ничего вразумительного сообщить не мог. Он тоже был по-своему прав.

Это сегодня я могу сказать внятно, что меня интуитивно не устраивало в молоковской идее. А тогда... Был какой-то диссонанс между принципиально новой схемой навески и старым способом ее подготовки.

В том, как мы ходили по вертикалям до тех пор, была определенная логика. Но если вырвать из устоявшейся системы половину (веревка-то оставалась из двух одна!), – будет ли система работать? Сомнительно.

Отбирая одно, что-то надо было добавить, но что? Или уж менять, так все напрочь.

Что-то тут было не так. Я это чувствовал, но объяснить не мог.

* * *

Познакомились мы в августе, а уже в ноябре снова встретились – в пещерах Северного Урала. Пещеры не требовали особой вертикальной техники, и во время этой вылазки мы к вопросу об одинарной веревке не возвращались.

А отличная была поездка! И команда подобралась что надо. Наша московская группа "ипНАст", парни из Пермского университета и я, в качестве представителя только еще зародившегося и никому в ту пору неизвестного Усть-Каменогорского клуба. Ходили в Геологов-2, катались по ледникам Мариинской. Есть такие пещеры в Пермской области. Снегу в ноябре уже было предостаточно, пихты, костры, ночные переезды на электричках. Но все когда-то кончается. На последней странице полевого дневника той пермской экспедиции натыкаюсь на строчки:

"13 ноября 1978 года. Дремлем в пермском аэропорту. Будят нас Мишка Потехин с Игорем Желудковым. Желудь возвышается над аэропортовской толпой – далеко видно. На своем стареньком мотороллере ребята приехали нас проводить. И вовремя: регистрация уже началась. Москвичам лететь позже, поэтому все провожают меня, подтаскивают к стойке мой рюкзак..."

В паузе между регистрацией и посадкой идем к буфету. Молоков берет всем кофе, достаем из сумки недоеденный вчера в клубе торт с прилипшим к нему ножом. В опорожненные от кофе стаканы разливаем на десятерых бутылку вина, что привезли Игорь с Мишаней.

Объявляют посадку. Как все стремительно! Жму руки ребятам. Вот они стоят все: Игорь, Мишаня, Маринка, Леха, Колька, Вовчик..."

Вот и все.

До новой, пусть не скорой, встречи!..."

Мог ли кто из нас подумать, что уже никогда не встретиться нам всем вместе?

* * *

Только время могло рассудить нас с Молоковым, а пока каждый остался при своем мнении о возможности работы на одинарной веревке.

Чувствуя во мне потенциального противника, причем с неприступной пока для себя аргументацией, Молоков избегал дальнейших прямых разговоров со мной на тему одноверевочного хождения. А между тем всерьез готовился к эксперименту, который мог бы дать неопровержимые контраргументы в защиту его одноверевочной позиции.

Чего зря трепаться – не проще ли доказать делом?

В декабре, перед самым новым 1979 годом, от Кольки пришло письмо:

"...Теперь Кавказ. План такой – Новый Афон, затем Заблудших. На все про все 2 недели. Начало, пока не точно, 7–9 февраля. Если пойдешь, напишу подробнее".

Очень хотелось принять участие в этой экспедиции. Тем более, что в нее собиралась большая часть пермско-московской группы, возникшей с легкой руки и нашего с Молоковым счастливого знакомства на Курчуме: если не считать двойки парней с Нижнего Тагила – все хорошо знакомые. Но, из-за работы, поехать я не смог, поэтому главной идеи и подробностей подготовки так и не узнал.

Все, вроде, шло, как обычно. По нашему обычаю все, кто не ехал, чем могли, помогали уходящей экспедиции. Для алексской знаменитости, лесника Назарова, из Усть-Каменогорска на далекий Кавказ отправилась мотопила "Дружба", которую в один из прошлых заездов пообещали привезти пермяки, а мне, с помощью Мама, посчастливилось купить и отправить по почте. В общем, каждый делал, что мог.

Экспедиция уехала, и все затихло. Пусто становится в городах, когда уезжают близкие тебе люди. И летят вслед уходящим бессильные строчки:

...

И февраль, как апрель – все дожди, всюду слякоть и грязь.

А ты в мыслях все рвешься куда-то по горло в снегу!
Я вам нервов катушку отдам – пригодится на связь,
А сейчас закурю – это все, что, пожалуй, смогу. (*139)

* * *

Ожидание прервалось коротким телефонным звонком. Звонил Леха Казеннов, уже из Москвы.

– Все в порядке, Костик, – весело журчал в телефонной трубке его голос. – Мы с Игорем Галайдой ушли с Буковой поляны 15-го утром: парни навеску с Заблудших снимали. По идее, должны уже закончить работу.

– Как сработали? Удачно?

– Да были небольшие неполадки, а так все нормально. У меня время кончается, я тебе письмом расскажу...

Но все обернулось по иному.

Утром 15 февраля 79 года двойка Казеннов-Галайда спустилась с хребта Алек к морю.

А вечером 15 февраля в пещере Заблудших погиб наш друг, спелеолог из Перми, Михаил Евгеньевич Потехин (Отчество-то узнали, когда делали табличку, а так все Мишка да Мишка...).

Письмо от Лехи пришло с запозданием:

"... После Крыма мы с Маринкой Куликовой выехали на Кавказ. В Сочи 7 февраля встретились с Колькой, Игорем, Мишкой, Галайденком, Ольгой Гарбар, Владиком и Шурой Котовым из Нижнего Тагила. Ну, вот и все о составе.

8 февраля мы за 25 рублей наняли автобус, доехали до Илларионовки и вечером уже были на Буковой поляне...

9-го поздно вечером Мишка и Игорь Желудков вышли в Заблудших навешивать снаряжение до Обвального зала (~200 м). Шел дождь. Через 8 часов Кот и Владик вышли следом, но не для встречи ребят, а для того, чтобы навешивать снаряжение после Обвального ниже (это уже была ошибка, так как шел дождь).

10 февраля в 10 часов дня мы с Колькой забеспокоились, что так долго нет Мишки и Желудя, и около 12 часов втроем с Игорем Галайдой вышли к пещере. Вблизи нее встретили возвращающихся Мишку и Игоря, они были здорово замучены (примерно 16-17 часов работы).

Мы начали спуск в Заблудших в 13 часов: прошли первый 15-метровый колодец, 40-метровый каскад (12+8+6+12 м), затем второй каскад (25+15 м). Первым сюда спустился я, затем Галайденко. Тут я услышал какой-то неясный стон, и, так как в это время спускался Колька, то я подумал, что это он поет. Когда Молоков спустился, я спросил его – пел ли он. Он ответил, что нет. Мы пошли дальше. Спустились в распоре метра на 3 к ручью, и я опять услышал стон и голос: "Ребята, помогите!" (очень тихий, жалобный, почти плачущий). Я рванулся вперед и в щели, куда уходила веревка, в самом ее верху увидел Влада, висящего вниз головой на нижнем самохвате (*140). Мы быстро обрезали ему самохват (хорошо, что у Игорька был нож!), и Влад съехал вниз на своей рогатке. Провисел он в таком положении около полутора часов, но в начале своего висения он сообразил пристегнуться на рогатку "для того, чтобы, когда подойдут ребята, им было легче снять меня".

А случилось все это так. Влад с Котом были в Обвальном зале (это ниже колодца со щелью на 100 метров: колодец 33 метра, где он висел + К 40 + К 15 метров), и Влад увидел, что Кот в каком-то отрубленном состоянии. Да и у него самого болел желудок. Они начали подъем, прошли К 15, затем К 40 и без отдыха начали подъем на К 33.

Влад шел первым, а колодец этот, 33-метровый, наверху заканчивается 3-метровым вертикальным узким шкурником (*141). Влад залез в него, встал в распоре, отцепил грудной карабин, коленный самохват и... вывалился из распора! Кот ему снизу ничем не мог помочь: по той же веревке Влад ему запрещал лезть.

Во-первых, он натянул бы веревку, и Владу стало бы хуже, во-вторых, помочь Владу подняться Кот бы не смог и обойти его в этой щели тоже бы не смог, а в-третьих, веревка была здорово потерта (крученка 8-миллиметровая)".

Да-а... Это был знаменитый на весь Алек колодец "Со щелью".

Действительно, в этой щели оказать помощь кому-либо достаточно трудно. Но дело не в этом. Помню, как на этих строчках меня сильно шокировала эта "потертая восьмерка": на колодцах такой глубины вешать веревку тоньше 10 мм у нас считалось безрассудным.

И вдруг – "восьмерка"?

И еще я никак не мог взять в толк – почему было Коту не подняться к Владу по второй, самостраховочной, веревке?

А ларчик-то просто открывался...

"Ну, теперь о том, как события развивались дальше.

После того, как Влад скатился вниз, туда спустился я и сразу же крикнул Молокову, чтобы они меняли веревку (у нас было с собой 40 метров), а сам, увидев, что Влад в отрубленном состоянии, рванул вниз в Обвальном за аптечкой. Выскочил назад достаточно быстро: вниз уже спустились Колька с Игорьком. Мы сразу дали Владу анальгин и промедол из военной аптечки – вкалывать побоялись, просто дали выпить из шприцтюбика.

Где-то через час у Влада стала возвращаться чувствительность в ноге (слава Богу!), и еще через 30 минут Колька с Игорьком поднялись наверх, чтобы сделать полиспасть (у нас с собой был один блок и карабины). Полиспастом они его не смогли поднять, и я выскочил наверх по другой веревке, которая у нас была для сопровождающего.

Втроем мы его тоже не смогли поднять. Тогда Молоков спустился вниз, и, слава Богу, Влад нашел в себе силы подниматься сам: один самохват на грудь, второй на здоровую ногу. Колька сопровождал его, поднимаясь рядом по второй веревке и подсаживая его снизу. Далее Влад еще более оклемался и уже смог на последних колодцах подниматься самостоятельно на двух ногах без груди.

Кот был тоже в отрубленном состоянии и вышел наверх благодаря тому, что я дал ему таблетку кофеина (она его очень здорово взбодрила и придала сил на время подъема).

Таким образом мы пробыли в пещере 13 часов, а Влад с Котом 16-18 часов.

ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ НАША ОШИБКА БЫЛА В ТОМ, ЧТО У НАС НИГДЕ НЕ ВИСЕЛО ВЕРЕВОК ДЛЯ САМОСТРАХОВКИ !!!

А остальное – это наше везенье..."

Вот оно что! Значит, Молоков запланировал экспедицию по одноверевочной схеме, и не только спланировал, но и проводил. Но тогда почему в эту авантюру втянулись Леха и Игорек? Ведь мы одинаково понимали вертикальную технику и одинаково считали самостраховку на отвесах необходимой! В чем же дело?

"...11-12 февраля мы заклеивали гидрокостюмы и отдыхали. Ничего, оклемались.

13-го февраля Мишка, Желудь и Кот вышли на навеску снаряжения до дна Заблудших. Отработали они около 20 часов (я до сих пор не понимаю, зачем так работать на износ?) и были в отрубе. (Желудь болел, у него была температура, Кота трясло, а Мишка тоже был уставший, так как у него была сильно порвана гидра, и поэтому он был весь мокрый).

Через 13 часов после начала их работы мы вышли следом. Встретили их в Обвальном – там они отдыхали, и пошли дальше вниз. Дошли почти до конца, оставалось около 30 метров, но веревки у нас больше не было. (Напомню, что глубина Заблудших – 470 метров, прим. мои. К.Б.С.). И мы начали подъем со съемом снаряжения. Сняли все до Обвального и даже перевыполнили задачу, подняв

снаряжение до колодца "Со щелью". Вышли наверх через 20 часов после начала спуска.

Утром 15 февраля мы с Галайденком уехали домой в Москву, а оставшееся снаряжение должны были снимать Влад, Ольга и Маринка (так как ребята были еще в слабом состоянии после предыдущего выхода в пещеру). Но вечером этого же дня в пещеру вышли Мишка, Маринка, Ольга, Влад и Кот (Желудь остался в лагере чинить свет, а Колька был еще усталый после работы).

Спускались сначала Влад с Ольгой, потом Мишка с Маринкой и последним – Кот. Влад с Ольгой уже дошли до верха колодца "Со щелью", Кот еще спускался с первого каскада, когда Мишка с Маринкой начали спуск со второго каскада (20+15м). Мишка пошел первым, и в самом начале спуска на "двадцатке" оборвалась веревка, по которой он спускался (перетерлась о камни на самом верху), и он упал в каскад (примерно 20 метров).

Маринка, увидев обрывок веревки, рванулась назад, к Коту, к низу первого каскада, а там уже лежал Кот. Он тоже оборвался (примерно с 10 метров) почти в одно и то же время с Мишкой.

Мишка был еще в сознании и докричался до Влада с Ольгой. Влад без веревки, скальным лазанием, поднялся на нижнюю 15-метровую ступень второго каскада к Мишке – тот лежал весь разбитый. Затем наверх к Мишке вышла Ольга, а Влад поднялся по концу веревки, на котором оборвался Кот и который навесила Маринка, к Коту. Кот тоже был сломан, но пока был в шоке и ничего не чувствовал.

Часа через полтора-два Желудь навесил веревку, и Кот поднялся наверх. А в это время Влад пытался поднять наверх Мишку (на себе). Потом Желудь побежал за врачом, а вниз прибежал и спустился Колька. Ольга одна оставалась с Мишкой 6 часов, за это время он потерял сознание и умер.

Когда Кот, все еще в шоке, поднялся наверх, и его раздели – у него оказалась сломана нога (тройной перелом голени) и раздроблена пятка.

Потом наверх поднялись все, оставив Мишку внизу, так как он уже умер".

По данным экспертизы у Мишани был перелом бедра, тазовой кости и повреждение черепной коробки, умер через три часа после падения.

* * *

Не помню точно, что я думал, когда читал прыгающие Лехины строчки. Не укладывалось в голове. Значит, все так и есть. Работали на одинарной веревке без самостраховки. Несмотря на наши споры, на общее несогласие московской половины группы с пермяками в вопросе об одинарной веревке? И там были и работали Казеннов и Галайда – что же они молчали?

Я написал Лехе письмо. Ответ пришел только через два месяца:

"... Хочу ответить на твои справедливые упреки.

При подготовке к поездке, когда в Москве с Вовчиком Свистуновым, Молоковым, Мишкой, Желудем и Галайденком обсуждали план работ, оборудование и тактику штурма, мы слышали о пермской "тактике" прохождения "дыр" без страховки.

Вот как они это обосновали:

1) Излишним весом веревок, предназначенных для страховки (это, конечно, не серьезно).

2) Тем, что при навеске страховочных веревок увеличивается время пребывания в пещере и возможность переохлаждения.

(Как я потом понял, у них все строилось на расчете количества возможных подземных выходов в зависимости от запаса света шахтерских аккумуляторов типа "Украина". Они считали, что при работе без страховки рабочие выходы будут не дольше 10-12 часов, а с навеской страховки придется работать по 18-20 часов: почти предельное время работы аккумуляторов. Ну, и возможность переохлаждения. Но ведь и без страховки получалось 18-20 часов).

3) Наверно, мы не так сильно возмущались и выступали против этой "тактики" без страховки, как следовало бы. Когда в Москве при обсуждении дела я сказал,

что без страховки не только Игоря Галайду боюсь пускать (тогда еще не имевшего большого вертикального опыта, п.м. К.Б.С.), но и сам не пойду, Колька пообещал мне, что сам лично будет нас с Игорем страховать специальным концом веревки. И дальше как-то все затихло. Вовчик и я (глядя на него) "тихо" пообсуждали их тактику и как-то успокоились..."

Молоков написал коротко:

"... Короче говоря, за прогулку на Кавказе мы заплатили очень большую цену. Мишку похоронили в Белой Церкви (это километрах в 150 от Киева).

Ну вот, пожалуй, и все по этой поездке".

* * *

Проходят годы, и события тех дней воспринимаются теперь через призму последующего опыта. Тогда нам казалось, что все зло именно в отсутствии этой злополучной палочки-выручалочки – второй веревки для подстраховки.

Бесспорно, наличие на колодцах второй веревки могло значительно облегчить последствия обрыва рапели, хотя мы знаем случаи, когда и самостраховка не могла предотвратить падения.

Но как-то ускользали из внимания и уходили на второй план маленькие (да маленькие ли?) детали, без которых не сделать правильных выводов. Вот они.

В каком состоянии были веревки?

Крайне изношенные, да еще предельно тонкие – 8 миллиметров в диаметре.

А как эти веревки из арсенала самоубийц навешивались на колодцы? Сколько раз терлись они о неподатливые скалы, истончаясь, пока не пришел конец их слабым веревочным силам? Недаром Влад, вися вниз головой в колодце "Со щелью" отказывался от помощи Кота – не верил в надежность веревки! Но так и не прозрел никто...

Грех думать, что ходить по таким веревкам доставляло удовольствие. Могут дать голову на отсечение, что выбирались самые хорошие веревки. Не было других! В СССР невозможно было пойти в магазин и купить веревку – чаще всего их добывали, вступая в противоречие с законом.

Известно: "Нет хороших веревок – не ходи". Мед бы пить устами того, кто проповедует эту "бесспорную" заповедь. И ведь прав, не поспоришь.

Но... ходили.

Потому что зов пещеры был сильнее прописного благоразумия.

Потому что верили – не порвется. Никогда же не рвалось!

Не знали, но верили, нарушая беспощадные законы неведомой тогда одноверевочной техники.

Нарушали и вот – платили смертью и увечьем.

Но прозревали ли?

* * *

Так и вижу отчаянные глаза очередного невежи: "Бросьте, не запугивайте! Ходили".

В этом и заключается основная опасность: возникает ощущение, что законы эти срабатывают как бы не всегда. Ведь и наши парни почти уже прошли Заблудших – осталось только выбрать веревки с последних 200 метров. И все!

И все обошлось бы и утвердило уверенность, что можно работать вот так: вешая как попало тертые-перетертые веревки.

Невежество? Дилетантизм? Нет.

Когда по тропе, никем еще нехоженой, идут, на ощупь пробираются Первые, – нельзя говорить о невежестве.

Невежество – это когда вот лежит, наклонись и возьми – да лень!

Когда идут Первые – говори о Незнании.

Не в силах объять правду, докопаться до истины в условиях жесткой информационной блокады того времени – мы вынесли из Заблудших еще большую уверенность в безгрешности двухопорной техники и пагубности одноверевочных начинаний.

* * *

И все же к мысли об одинарной веревке мы возвращались все чаще. Уж больно соблазнительно было вдвое сэкономить на весе и объеме веревок. И экономили. Беда была в том, что делали это по страшному образцу февраля 79 года – в ошибочных представлениях о том, что же на самом деле происходит с одинарной веревкой и как надо с ней обращаться.

Мы все чаще навешивали одинарную веревку. Но где? Прежде всего, конечно, на самых маленьких "нестрашных" отвесиках, на наклонных каскадах, где казалось, что веревка нужна только для удобства передвижения.

Над такими "нестрашными" – до 5–6 метров – колодцами в порядке вещей считалось прицепить одинарную веревку просто на один единственный крюк.

Зато большие колодцы оборудовались со всей тщательностью. Сдваивали и страивали крючья, вешали исключительно две линейные опоры – серьезно относились.

Если говорить об износе, то наши предосторожности были весьма оправданы: на больших отвесах веревки испытывают большее число циклов нагрузки при спуске или подъеме по ним, большее число раз трутся о скалы и изнашиваются быстрее пропорционально глубине отвеса.

Относительно же нагрузок, возникающих в навесках при движении по отвесам, мы проявляли замечательное невежество. Как-то не укладывалось в голове, что величина сил, расшатывающих крючья, не зависит от глубины – при неумело-грубых действиях крюк можно вырвать одинаково успешно, что на 5, что на 105-метровом колодце.

Не особенно вникая в динамику движения по веревке, разные колебания, инерции, резонансы и прочие неочевидные явления подобного порядка, мы понимали, конечно, что и с двух метров можно шею сломать, но чувствовалось – шансы не те!

Как бы там ни было, но психологическое давление больших отвесов искажало представления об истинных закономерностях надежности и безопасности – порождая устойчивый страх перед одинарной веревкой на глубоких отвесах, отступая и притупляясь на небольших.

В начале 80-х об одинарной веревке заговорили снова.

На этот раз с подачи нового председателя Центральной комиссии спелеотуризма Александра Игоревича Морозова.

* * *

Мы улетаем из Каунаса. Наш рейс 2044 ровно в 7.05 отрывается от земли. Бывает, значит, что и Аэрофлот придерживается расписаний! Мы поднимаемся в воздух в предрассветных сумерках и встречаем рассвет где-то на высоте 7200.

Внизу серо-голубая, в синих щербинах, равнина облаков. Будто снег. Над нами – плотная, не пробьешь – дымно фиолетовая небесная твердь: у горизонта она сгущается полосами. И вот оттуда, по фиолетовому, все яснее проступает сиреневорозовое тепло.

Между этими: серо-голубой и дымно-фиолетовой, плоскостями ширится полоса потрясающе чистых цветов – от дымно-оранжевого через ярко-желтое в аквамарин... Встает солнце.

Солнца еще нет, его свет где-то там, внизу. Но оно ощутимо движется нам навстречу. И, послушные его воле, неудержимо плывут, оплавляясь оттенки фантастического праздника утра.

И вдруг! Огромный огненный диск выползает из-за горизонта. Алый, нет – уже оранжевый, пылающий его край все больше! На него больно смотреть. Диск теряет свои очертания, уменьшается – это уже лохматый ослепительный шар...

Миг, и все контрасты гаснут. Сияющая желто-аквамариновая полоса разом затягивается за клубившейся дымкой – будто пыль, поднятая ветром. Сквозь ее фиолетовый туман жарко смотрит Солнце.

Прощай, Каунас! Самое время обдумать теперь твои итоги.

В ноябре 83 года межрегиональная спелеологическая группа "Дельта", созданная по инициативе адлерца Владимира Дмитриевича Резвана и лидера литовских спелеотуристов Эрика Э.Лайцонаса, собрала в Каунасе представителей ведущих спелеоколлективов СССР на совещание по актуальным проблемам. С целью получить хоть какой-то финансирование живущим далеко, совещание было замаскировано под какое-то туристическое мероприятие. По системе советов были разосланы приглашения и, конечно, в половине случаев места достались не тем, кого ждали. Но, в основном, собрались.

Наплевав на субординацию системы советов по туризму и экскурсиям, прилетаем с Любой в Каунас на правах личных друзей устроителей совещания.

Только что мы с Эриком и Резваном провели на Алеке очередной Всесоюзный семинар по подготовке инструкторов спелеотуризма, во время коего получили интереснейшую "указивку" Москвы.

Ссылаясь на анализ несчастных случаев, происшедших со спелеологами страны за последние годы, в целях повышения безопасности спелеопутешествий, Центр вводил запрет на самостраховку по стальному тросу зажимами типа "гиббс" (*142).

Действительно, к этому времени уже накопилось.

В 1976 году на спуске в Заблудших падает представитель московской группы "Кристалл" Кабанов: разрушился крюк, на котором была навешена веревка. Кабанов спускается, самострахуясь за трос, но в момент срыва зажимает в кулаке самостраховочный "гиббс" – в результате перелом ноги.

Летом 1977-го киевлянин Сомулин падает 18 метров, парашютируя на рогатке с зажатым в кулаке самостраховочным зажимом, благо, без серьезных последствий.

В 1980 году в пещере Осенняя на Алеке москвичка Оля Сулова во время спуска по второму 40-метровому колодцу встает на уступчик в нижней трети колодца и, зажав самостраховочный "гиббс", по непонятной причине падает с высоты 10 метров.

В этом же году падаю я в 35-метровом колодце Вейса пропасти Кутук-Сумган на Южном Урале, когда по небрежности слетаю с недостающей до дна колодца рапели без узла на конце. И делаю это, как мои предшественники, забыв о зажатом в кулаке самостраховочном "гиббсе". Он скользит вдоль веревки точно так же, как вдоль троса. К счастью, без последствий. Спас узел на конце второй веревки.

Мы страховались при спуске за трос, падали и все пока обходилось.

Но вот в 1983 году катастрофа настигает свердловчан. В Средней Азии в пещере Зинданат на спуске в 80-метровый, по слухам, колодец соскользнул и покатился по склону свердловчанин Зеньков. И снова – самостраховка есть, но крепко зажатый в руке падающего "гиббс" скользит вдоль 3,5 миллиметрового троса. Зеньков отпускает зажим, только когда склон обрывается в вертикаль, зажим срабатывает и... перекусывает трос. Трос оказался тонковат.

Вот о чем говорил Фердинанд Петцль: трос не выдерживает динамических нагрузок такой силы – это не веревка!

Смерть в Средней Азии наотмашь ударила по сторонникам трос-веревочной техники.

А тут еще – тем же летом на Алеке, усть-каменогорец Александр Ван пытается увеличить число жертв тросовой самостраховки: на спуске по 80-метровому колодцу ТЕПа теряет контроль над рапелью и падает вдоль троса с зажатым в кулаке "гиббсом". Когда же он – наконец! – разжимает руку, зажим срабатывает и... обрыв 8-миллиметрового самостраховочного "уса". Трос в ТЕПе был 4-миллиметровый, гораздо прочнее азиатского. Зато порвался "ус" – слабейшее звено той страховочной цепи.

Все эти случаи – только верхушка айсберга. Множество аналогичных падений – на тренировках и в экспедициях, заканчивались благополучно и потому оставались практически неизвестными.

И вот пришла директива Москвы. Отныне за трос зажимом типа "гиббс" страховаться запрещалось.

Но позвольте! А как же прикажете спускаться?

Это был запрет с двойным, а то и тройным дном.

По сути дела, кроме зажимов системы "гиббс", страховаться за трос было не чем. Получалось, хочешь страховаться на спуске – вешай дополнительно к тросу еще одну веревку – по веревке страховаться можно зажимами других систем. Две веревки плюс трос?! Маразм.

Сторонников двухверевочной техники в Союзе к тому времени почти не осталось – только Крым, пожалуй, отверг трос, вернувшись к двум веревкам. Так веревки в Крыму было завались...

И потом, чем же страховаться за ту же веревку, если "гиббсом" нельзя, а другие типы зажимов в СССР были совершенно не распространены? Попробовали в самом начале "жумары", но потом напрочь забросили и позабыли – в прочности они значительно уступали "гиббсам" и для способа "стопа-колено" не слишком годились.

Странная получилась ситуация. Что же теперь без самостраховки спускаться, что ли? По одинарной веревке?..

* * *

Было в этом указании Москвы, за подписью Морозова, что-то недоговоренное, какие-то скрытые течения чувствовались за его строчками, нечто такое, о чем Саша хотел, но, казалось, не решался сказать открытым текстом.

Так вот, в Каунасе ожидался приезд Морозова – и всем было интересно получить разъяснения, что называется, из первых уст.

Надо сказать, что, несмотря на совместную борьбу против илюхинщины, у нас с Морозовым никогда не было особо близких отношений. Общались мы дружелюбно, но не более. Да тут еще произошел конфликт между участниками нашей апрельской 83-го года экспедиции в Снежную, где мы и приближенные Морозова – в частности, небезызвестный Андрей Пильский, оказались по разные стороны барьера.

Отпечаток на мое ко всему отношение наложил и незарубцевавшаяся рана Мишаниной гибели в Заблудших.

И уж конечно, сильные воспоминания оставила наша вынужденно одноверевочная работа в Большом колодце Снежной двумя годами ранее (*143).

Так или иначе, но из Каунаса я уезжал достаточно убежденным противником морозовских идей. А идеи были интереснейшие! И сквозь собственное сопротивление я ощущал их всепроникающий зуд.

На Каунасском совещании Морозов прочел короткую, но массированную лекцию. Замечу, что Саша был переводчиком высочайшего класса, и это в какой-то степени помогало ему проводить столь продолжительные экспедиции в Снежную. Рассказывали, что он за пару месяцев переводил полугодовую норму своей работы, а если я не прав, то, как говорится, "пусть старшие товарищи меня поправят" – суть дела от этого не изменится.

Так или иначе, свободное чтение зарубежной спелеологической информации, которая текла через Сашины руки, давала ему возможность далеко опережающего видения перспектив развития техники кейвинга. Думаю, что Морозов одним из первых познакомился с основами техники одинарной веревки, к тому времени уже подробно изложенными в зарубежных спелеопубликациях.

И вот в Каунасе он напрямую приступил к агитации "за одну веревку".

Преимущества одноверевочного хождения были достаточно очевидны, кроме одного, сводившего в наших непросвещенных глазах все прочие к нулю: мы не представляли, как избежать угрозы аварии из-за обрыва единственной на отвесе веревки. Страх перед возможным падением сковывал нашу мысль, а исчерпывающей зарубежной информацией мы, в отличие от Морозова, не обладали.

Второй и, думается, главной причиной, вероятно, подтолкнувшей Морозова к изменению взглядов на вертикальную технику и приходу к идее одинарной веревки, была – Снежная, вынуждавшая "многомешочные" морозовские экспедиции вести яростную борьбу за снижение веса снаряжения.

Притчей во языцех стали морозовские тросовые лестницы. В Каунасе присутствовал замечательный представитель ленинградской школы кейвинга Андрей Шульц – замечательный не только своими человеческими и спелеологическими качествами, но и тем, что, как уже было сказано, Шульц соединял в себе редчайший гибрид спелеотуриста и офицера Советской Армии! Так вот, во время одной из экспедиций, могучий, тогда еще майор, Шульц трижды рвал лестницы на своем пути по Снежной. Шутили, конечно, что это от привычки ходить строевым шагом, но факт остается фактом: морозовские тросовые лестницы отличались изысканной "утонченностью".

Следующим шагом Морозова на пути снижения веса вертикального снаряжения был его переход на работу с 8-миллиметровой веревкой, что большинство из нас и вовсе восприняли настороженно. По-моему, так использовать одинарную "восьмерку" граничило с полным безрассудством – Мишаня в Заблудших оборвался именно на 8-миллиметровой веревке.

Вот таковы были постулаты, высланные Морозовым на наши головы.

* * *

Странно, но Морозов (до сей поры не знаю, чем это объяснить) не утруждал себя в Каунасе строгой аргументацией своей позиции. Возможно, ему все было столь очевидно, что просто не приходило в голову, как это может быть сомнительным для других?

С другой стороны (и этот факт мне тоже до сих пор не понятен), провозглашая и осуществляя на практике одноверевочную технику, Морозов не придерживался наиболее существенных ее правил, которые к тому времени были уже внятно сформулированы в странах, принявших SRT на вооружение.

Например, в Каунасе Морозов ни словом не обмолвился о необходимости антифрикционной (от трения) и динамической (от возможного жесткого рывка) защиты одинарной веревки, без которых SRT просто не может существовать. Именно с помощью этих мер удастся отвести от одинарной веревки Дамоклов меч неизбежного обрыва.

Так что же? Неужто Морозов не знал о необходимости защиты веревки? Едва ли. Более вероятно, что Морозов просто не считал нужным защищать свою 8-миллиметровую веревку. Потому что верил в себя, своих соратников, в безупречность технической подготовленности своей группы и применяемой его экспедициями тактики неспешного массивованного движения группы по пещере посреди "стада" из многочисленных мешков (*144).

При этом каждый участник (а их обычно было немного) мог всего пару раз пройти каждый из отвесов пещеры – так что износ веревок (если не использовать заведомо старых и потертых) был невелик.

В пользу этой версии говорит такое высказывание Морозова в моем каунасском дневнике:

"Наша группа ходит по одинарной "восьмерке" и не имеет аварий. Моему сыну Севе – 14 лет, а он спокойно ходит по одинарной веревке".

Последнее было, конечно, слабым аргументом. Молодежь, а тем более школьники, работают, ничтоже сумняшися, так, как их тому научили. С возрастом и опытом это становится труднее. Перефразируя: во многой мудрости, больше и страха!

* * *

Морозовская одноверевочная техника, по сути, была возвратом к канонам классической, в истинном значении этого понятия, двухопорной – лестнично-

веревочной, техники. Отвергая трос в качестве линейной опоры для самостраховки, Морозов практически уничтожал сам смысл вообще его использовать. Он как бы возвращался назад, к истокам вертикальной техники, предлагая начать все сначала и таким образом выйти из тросового тупика.

Вот некоторые аргументы той каунасской атаки, предпринятой Морозовым на редуты советской трос-веревочной техники, записанные мною в дневник во время его лекции:

"Правило обязательного наличия на отвесе двух независимых линейных опор возникло при хождении на лестницах. И это было обосновано. Но веревка при этом была одна".

"На Западе ходят по одинарной веревке".

Наверно, впервые из уст Морозова услышал я тогда, в Каунасе, термин "SRT", который даже записал тогда неправильно – "СРП"! Но послушаем еще:

"Многие считают, что западные веревки более качественные, по сравнению с советскими. Нет – они перетираются также. Другое дело, что у них "динамика" лучше. А в остальном разницы нет."

"Динамика", в данном случае, – это способность веревки к удлинению (растяжению), ее эластичность. Занимаясь позднее внимательным изучением характеристик советских и зарубежных веревок, я убедился в справедливости этого высказывания Морозова. Но это позже, а пока:

"Работа на одинарной веревке в чем-то проще и понятнее. Нет рассеивания внимания между двумя веревками. Это особенно благоприятно при работе в обводненных колодцах. А вообще, для обеспечения безопасности в обводненных пещерах – спелеолог должен быть сухим и сытым. Вот у нас все сухие и сытые – потому и нет несчастных случаев..."

Сильно сказано, по-морозовски!

"Несмотря на то, что статистика несчастных случаев насчитывает довольно мало аварий, связанных именно с работой на одинарной веревке, тем не менее переход на одинарную веревку – вещь психологически очень сложная".

Помню, встал лидер одной весьма энергичной московской группы Евгений Снетков:

- А если человек боится одинарной веревки, что ему можно предложить?
- Могу предложить не ходить по одинарной веревке! – улыбнулся Морозов.

* * *

Бросив нам на растерзание эти впечатляющие тезисы, Морозов развернулся другим бортом и дал мощный залп из всех орудий в самую гущу озадаченных сторонников двухопорной техники. Вторая часть его речи сводилась примерно к следующему.

Анализ достижений советского и зарубежного кейвинга за последнее десятилетие, особенно сопоставление временных графиков штурма глубочайших пещер мира различными советскими и европейскими группами, недвусмысленно выявляет наше отставание по темпам прохождения и завышенной продолжительности подземных работ. В то время как наши зарубежные коллеги затрачивают на прохождение таких гигантов как Жан-Бернар, ПСМ, Берже буквально несколько дней – экспедиции в советские "тысячники" выливаются в недели работы под землей.

Так оно и было. Вот всего лишь один из примеров, опубликованных в иностранной спелеопрессе:

*"Мировой рекорд глубины был недавно побит в Гуффер Жан-Бернар. Отлично организованная экспедиция, руководимая П.Риасом и составленная из членов спелеоклуба "Вулкан" и других французских спелеологов (всего 32 человека), достигла глубины -1455 метров. Экспедиция началась 24 февраля 81 года и закончилась 28 февраля. Стоит заметить, что при этом было поставлено два подземных лагеря на -500 и -900 метров и осуществлено прохождение донных сифонов. Входная часть пропасти представляет собой узкую затапливаемую систему ходов" (*145).*

В то же время наиболее серьезные морозовские экспедиции в Снежную, при численности участников значительно меньшей, занимали 71 и даже 85 дней (рекордные по продолжительности экспедиции Морозова, прим. мои, К.В.С.). Первая же чисто спортивная (т.е. не ставившая перед собой иных целей, кроме прохождения маршрута) экспедиция под руководством Резвана в составе 6-ти человек работала в Снежной 24 дня. Контрастно, не правда ли?

Или другой пример:

*"В феврале 81 года недалеко от Жан-Бернар спелеологи из Лиона с помощью групп Каверниколь и Торон де Бен продолжили исследование пропасти Мирольда и достигли глубины -1100 метров. В пещере были установлены 2 лагеря: на -300 и -700 метров. Всего подземные работы заняли 4,5 дня. Пещера состоит из многочисленных колодцев, нескольких красивых натечных галерей и активной системы, собирающей воды пяти подземных потоков" (*146).*

Можно было бы продолжить перечень подобных примеров, но стоит ли? Второй залп Морозова заставил нас еще больше призадуматься...

* * *

Если среди спелеотуристов имя Морозова уже само по себе внушало уважение, то туристы других видов относились к нему гораздо спокойнее. Тем более, штатные работники КСС (контрольно-спасательной службы) системы советов по туризму и экскурсиям, перед которыми Саша, еще до Каунаса, выступил с лекцией по безопасности спелеопутешествий. Среди нас не нашлось очевидцев этого представления, но рассказывали, что эффект был подобающий. Если бы КСС-ники обладали властью святой инквизиции времен средневековья (а в чем-то они и являлись ею по отношению к "диким" путешественникам), не избежать бы "еретику" Морозову пыточной и костра за крамольные речи о пагубности самостраховки и пользе перехода на одинарную веревку. Додуматься только! Не ожидавшая такой наглости и такого напора КСС так и осталась с открытым ртом, но позже пропела-таки "Анафему" морозовским идеям.

Морозов резко начал, может быть, даже слишком резко. Он принимал удар на себя, используя весь сосредоточенный в его руках (а по сути – эфемерный) институт власти в лице Центральной комиссии спелеотуризма, опираясь на огромный авторитет – свой и своей группы, завоеванный действительно впечатляющими успехами в исследованиях Снежной и долголетней практически безаварийной работой. И... успеха не добился.

Хотя, как посмотреть. Ведь он посеял сомнение...

Строчки из Каунасского дневника:

"...Всех нас вчера поразили темпы работы на Западе. За какие-то 2 дня они умудряются повесить снаряжение до глубины -900 метров. Не только повесить, но и вернуться наверх. Темпы! Темпы! Что за ними? В голове масса мыслей... Надо связаться с болгарами – через них можно начать. Съездить бы и разобраться на месте. Но как и когда???"

* * *

В 83 году еще очень актуальной была шутка Резвана, прозвучавшая однажды на Буковой поляне. Как-то во время инструкторского совета Эрик Лайцонас – завуч семинара, заглянул через плечо Резвана, который задумчиво водил ручкой по листу бумаги.

– Ай-яй, – со своим тонким литовским акцентом сказал Эрик. – Руководитель Всесоюзного семинара, а на инструкторском совете танки рисует! К чему бы это?

– Я думаю, – мрачно пробурчал Резван, не отрываясь от работы. – Я думаю, что это единственный шанс советских спелеотуристов попасть за границу!

– Смотри, Резван! – покачал головой Эрик. – Вон Серафимов опять что-то пишет. И усмехается!

Володя подозрительно покосился в мою сторону:

– Что это вы пишете, инструктор Серафимов?

– Оперу пишу, гражданин начальник! – не растерялся я, вспомнив бородатый анекдот.

– Оперу? Что-то много ты уже накропал!

– Ничего, у опера времени много, все прочитает!

* * *

Строчки Каунасского дневника:

"...Вот мы сейчас ломаем головы над успехами французов. Мы стоим на новом качественном пороге. Кто перешагнет его? Тактика тотальных штурмов Морозова уже заходит в тупик. Для спорта. И, возможно, для науки. А что скажем мы? Неужели всю жизнь ездить и смотреть на то, что создано кем-то?

Мы – в психологической ловушке. Одна веревка! Страшно.

Но рациональное зерно в этом есть. Надо только исхитриться найти это зерно и взять. Надо преодолеть свою робость".

... Самолет, дрогнув, ложится на крыло. Вся картина за бортом смещается, ползет влево, затем выравнивается.

Что ж, Каунас прошел на высоком уровне. Получена прямо-таки захлестывающая информация. Это здорово. Не покидает ощущение каких-то близящихся изменений в нашем кейвинге.

Ах, как нужно оказаться на их острие!

* * *

Но пока мы явно не дотягивались до острия.

В Каунасе мне удалось полистать один из первых французских учебников SRT – "Техника альпийской спелеологии" Марбака и Рокура (*147).

У Эрика Лайцонаса вообще оказалось масса интересного. Эрик давно привлекал меня своей эрудированностью, внешностью и манерами джентльмена – высокий, поджарый, седой, несмотря на умеренный возраст, своеобразным прибалтийским юмором. Мы познакомились во время той памятной для меня экспедиции в Кутук-Сумган, когда я попытался упасть в колодец Вейса с зажатой в кулаке самостраховкой.

Как и я, Эрик Лайцонас был весьма заинтересован перспективами применения SRT в советском кейвинге, но к осени 83-го года преуспел на этом пути значительно больше. Не последнюю роль в этом сыграл и тот факт, что, по сравнению с Казахстаном, Литва расположена значительно ближе к Западной Европе, в том числе и территориально. Эрик вел интенсивную переписку с зарубежными коллегами, стараясь установить более конкретные контакты. И, в конечном итоге, одним из первых в СССР получил такую возможность.

Понятно, что за рубеж советские спелеологи выезжали и до того. Но Эрик, в отличие от своих предшественников, отправился за границу не с целью пропаганды и утверждения "советского образа жизни в спелеологии", а смотреть и учиться. Весной 1984 года Эрик Лайцонас привез из Болгарии "живую" информацию о технике

одинарной веревки. Дело в том, что к этому времени Болгария уже осуществила "смычку с акулами империализма" – решением ВФПД (ВФПД – Болгарская Федерация Пещерно Дело) болгарские спелеологи перешли на одинарную веревку в общенациональном масштабе. Благо, масштаб небольшой.

Эрик привез впечатления, а его лучший ученик и коллега, Раймис Данюнас, немедленно решил обкатать полученную информацию на практике.

Попробовал он в Напре во время нашей незабываемой корделеттной экспедиции в сентябре 1984 года.

* * *

О, мой дорогой Заинтересованный Читатель! Вы, несомненно, помните песню "О неудачной экспедиции", сочиненную под гамаком у Киселева в подземном лагере Напры на глубине –430 метров?

Да, измотанные до предела многочисленными нервными экспериментами, мы вынуждены были отступить с глубины –530 от грота Рака. Но последней каплей, склонившей чашу весов в пользу отступления, стала авария в 40-метровом колодце, ведущем в этот грот.

...Веревки на этот отвес были повешены неудачно. Они шли по левой стене зияющего чернотой колодца с большими перегибами через край. Снизу, из гулкой тишины грота Рака, резко раздаются голоса. Резван уже внизу, Ткачев спускается, и веревки под его весом подрагивают на крючьях.

С неприязнью осматриваю навеску. Одну из этих веревок, трущихся об острые выступы скалы, мне предстоит сбросить вниз. По второй – спуститься самому, последним... Острое трение, а других крючьев, чтобы перевесить веревки, что-то не видно.

Ткачев где-то там долго закачивается на какую-то невидимую глыбу посреди зала, и оттуда вниз, в систему "Вторых штанов" (*148), с впечатляющим грохотом летят камни – глубоко, метров на 80!

Подходит всегда сдержанный Раймис, но при виде навески неожиданно разражается ругательствами.

Напряженность в группе возрастает, и мы ничего не можем с этим поделать. Заблудившись в "Первых штанах", мы выбились из запланированного графика, стремительно теряем свет из-за оказавшихся некачественными батареек, и любая новая задержка на маршруте грозит поставить большой знак вопроса под нашей задачей достичь дна Напры.

Но пока мы не сдаемся.

Следом сверху подходят Эрик и Кес, садятся на мешки у края колодца. Я нахожусь ближе к его краю и, на всякий случай, пристегиваюсь самостраховочным "усом" к перилам навески.

Наконец, снизу доносится раскатистый голос Ткачева:

– До-оше-ол! Свободно!

Раймис начинает пристегиваться на спуск, а я смотрю на его "сбрую". После поездки Эрика в Болгарию Раймис сделал себе снаряжение по западному образцу: все обвязки сходятся и фиксируются одним единственным карабином на животе. К этому же карабину крепится "ус" самостраховки. Спусковое устройство у Раймиса тоже на западный манер – боббина Дресслера (*149), самодельная, конечно. И она тоже встегнута в замковый карабин – напрямую. Внешне все выглядит достаточно компактно и логично...

Раймис перелезает через край колодца, мягко соскальзывает по рапели вниз, и луч его фонаря растворяется в темноте.

Сидим молча на краю колодца – каждый во власти своих мыслей, поэтому в наступившей тишине неожиданно громко звучит металлический щелчок в колодце, от которого резко вздрагивают веревки у крючьев.

Мы еще заторможенно молчим, губы только приоткрылись для вопроса, как в ледяной этой тишине громко и отчетливо раздается голос Раймиса. Этот голос, и дыхание, слышное из колодца, заставляют нас похолодеть. Нет, это не крик ужаса,

не смертельный вопль падения, но в нем слышится такое, что я не смогу сейчас передать словами, как бы ни старался. Неестественно спокойный и четкий, отчего заметнее проступает литовский акцент, голос Раймиса звучит чуть громче обычного:

– Ребята. Я сейчас буду падать...

Во мне срабатывает какая-то пружина, подкидывает вперед, к колодцу, благо, я на самостраховке. Склоняюсь над краем и вижу – внизу, буквально в трех метрах, у зеркальной стены замерла странно неподвижная фигура. Взгляд мечется, ощупывая детали, силясь ухватить причину опасности. Ничего! Каталка на рапели, зажим самостраховки на второй веревке...

– В чем дело?!

И после паузы длинной в год:

– Спустите мне карабин.

Срываю с себя карабин, пристегиваю на страховочную веревку, отпускаю.

Карабин звонко щелкает о самохват Раймиса. Данюнас, почти не шевелясь, какими-то хирургическими движениями снимает его, медленно простегивает куда-то: сверху не видно, куда...

Шумный выдох облегчения:

– Все. Сейчас поднимусь.

* * *

Кто держал в руках титановый карабин марки "Ирбис" подмосковного производства, тот представляет. А кто не видел – представьте на верхнем загибе карабина крохотный, не более 5 миллиметров, крючок, который входит в зацепление с защелкой. Вот этот крючок и спас Данюнасу жизнь. Неудачно встегнутая каталка, развернувшись под весом Раймиса, отжала защелку карабина, и та вывернувшись наизнанку. Карабин расстегнулся, и все, что было на нем, утратило связь друг с другом.

А ведь карабин был связующим звеном всей системы обвязок и спуско-подъемного снаряжения. В итоге все оно, в том числе и самостраховка, оказалось просто нанизано на разомкнутый карабин и в любую минуту могло слететь с него, оставив своего владельца на произвол Судьбы. Над 40-метровым колодцем судьбу предсказать нетрудно...

Спас крючок на верхнем загибе карабина, на котором зацепилось спусковое устройство. И еще то, что Данюнас не успел спуститься достаточно глубоко: малейшего колебания веревки, которая на хорошей глубине тянется, как резиновая, было достаточно, чтобы сбросить Раймиса со спасительного крючка.

* * *

Так 22 сентября 1984 года мы оказались в полушаге от еще одной катастрофы. SRT снова показала зубы.

Со своим российским широкодушием мы никак не могли взять в толк, что истинная техника одинарной веревки, и та, какую мы до сей поры исповедовали, – все равно что современный персональный компьютер, по сравнению с арифмометром "Феликс-М" (*150). Залезь в него с отверткой, не зная схемы, – в лучшем случае, сломашь машину. А то и током шибанет ненароком.

Казалось бы, какая мелочь – карабин! Но если заглянуть в любой из учебников по SRT, обязательно бросится в глаза одно из непреложных правил:

*"Применение в качестве замка, связывающего в единое целое все спуско-подъемное снаряжение с обвязками кейвера, карабинов любой конструкции – НЕДОПУСТИМО! Для этого следует использовать только замковые кольца типа "Мэйон рапид" (*151).*

А у Раймиса был карабин, причем карабин без муфты.

Пустячок? В технике одинарной веревки пустяков нет.

К сожалению, мы начинали изучать СРТ не по учебникам. Как это у классика?
"Мы философию учили не по Гегелю..."

* * *

Авария в Напре не обескуражила каунасцев. Летом 85 года в Болгарию отправляется уже целая делегация литовских кейверов во главе с Данюнасом. В то же период Эрик Лайцонас переводит с болгарского руководство по SRT Майка Меридита – "Вертикальная спелеология" (*152).

Что и говорить – к концу 1985 года "контрольный пакет акций" в шансах на всесоюзный приоритет в овладении SRT находится в руках литовцев.

После илюхинской диктатуры, приведшей к депрессии в спелеотуризме и рухнувшей в результате московского "переворота", в начале 80-х советское спелеодвижение переживало период активизации и подъема, чему в немалой степени способствовал приход в Центральную и Московскую спелеокомиссии сподвижников Александра Игоревича Морозова.

Одним из пиков этого взлета стало проведение осенью 1985 года Всесоюзного семинара высшей спелео-инструкторской подготовки на Западном Кавказе. Место для проведения семинара было выбрано хорошо знакомое – турбаза "Южная" в Хосте, и далее – на хребет Алек в объятия гигантских буков, по которым мы уже так соскучились. Но главным магнитом, стягивавшим нас на Буковую поляну тем памятным октябрём, была возможность увидеть многих ведущих спелеологов страны, удостоивших своим участие этот редкостный по статусу семинар.

Семинар старших инструкторов – ВИП-85 (*153), возглавил Владимир Дмитриевич Резван, завучем стал Эрикас Лайцонас, одним из инструкторов посчастливилось быть мне.

Именно посчастливилось, так как на этом семинаре я получил последовательно три мощных инъекции SRT, которые окончательно излечили меня от рудиментов двухопорной техники.

Первым делом, прознав о поездке Данюнаса в Болгарию, я нагрянул к нему вечером прямо в пропитанный субтропической сыростью четырехместный "скворечник" – фанерный домик-коттедж турбазы "Южная", в каких размещался личный состав семинара. Волею случая Раймис оказался слушателем моего отделения, ну и... как он мог отказать любимому инструктору?

Помню, как с каким-то плотоядным наслаждением рассматривал я снаряжение Раймиса, задавал вопросы, записывал информацию в блокнот...

Сколько раз выручала меня эта привычка – вести полевые дневники, не лениться записывать увиденное и услышанное? Как-то в одном из ресторанов Каунаса, кажется, это был "Пасутимас" ("Свидание"), Резван, глядя, как я что-то пишу среди ресторанного тарарама, мимоходом заметил:

– Знаешь, я отчетливо представляю тебя падающим в колодец и при этом вынимающим из кармана авторучку и блокнот... – непередаваемый Резванский жест рукой. – Не дай Бог, конечно!

Рассказы и снаряжение Раймиса – это было начало.

Второй инъекцией стала первая в СССР публичная лекция по основам SRT, которую для слушателей нашего семинара прочитал Эрикас.

Это была хорошая лекция. Но замечали? Стоит завести разговор о чем-нибудь новом, но, в принципе, доступном каждому, как тут же появляется некто, подающий голос с первых рядов галерки: "Ну, эт мы запросто! Мы так давно делаем! Чего тут такого-то? Па-адумаешь!"

Сколько раз после, в годы "битвы" за технику одинарной веревки, мне приходилось наткаться на подобные высказывания, негативное восприятие нового, неосмысленный протест. И что характерно – чем выше культура и интеллект слушателей, тем меньше шансов напороться на деструктивную позицию.

Эрика слушали внимательно, очень внимательно. Не перебивали, не задавали дурацких вопросов и не вылезали с инфантильными высказываниями. Что ни говори, уровень семинара был соответствующим. Слушали, но по глазам было видно – думали: "Все это, конечно, здорово, но как-то не по-нашему. Сложновато наворочано. Мудрят они там, на западе!"

– Хожение по одинарной веревке: то, чем, не секрет, в определенных ситуациях занимаемся все мы, – сказал на лекции Эрик, – это не есть SRT. Это всего лишь хождение без страховки! Суть SRT не в снаряжении, хотя и оно имеет свои особенности. Суть – в психологии: в отношении к снаряжению и ко всей работе в пропасти.

"Непонятно, но – здорово!" – обронил кто-то по аналогичному поводу, а Резван, с присущим ему юмором, добавил:

– А давайте попробуем СРТ сначала в горизонтальных пещерах!

Меня же все больше захватывало желание попробовать все самому – вот это самое "новое отношение" попробовать.

И, наконец, последней инъекцией, последней каплей, переполнившей сосуд, стали наши коллеги из Болгарии, неожиданно ставшие гостями семинара. Это был настоящий подарок Судьбы и невиданный успех. Присутствие иностранцев на всесоюзных спелеомероприятиях – да такого старики не помнили!

Вот кого слушали заворожено. Что – Эрик? При всем своем авторитете Эрик был свой, наш, равный из равных. В своем же отечестве, как известно, нет пророка.

Мы не можем смириться с мыслью, что кто-то из подобных нам вдруг может подняться надо всеми в знании или мастерстве, прозорливости или искусстве, а уж тем более в понимании нашего общего ремесла. Нет пророка в своем отечестве!

Иное дело – иностранцы! Пусть даже такие близкие, как болгары.

Да, слушали их, затаив дыхание. И... все-таки недоверчиво. Оценивая щупали снаряжение, которое привезли с собой софийнин Алексей Жалов и варнинец Кирилл Иванов, качали головами, обменивались критическими замечаниями.

А какими ветрами потянуло вдруг над "Южной"! Почудилось, что рядом – рукой подать! – оказались, больше похожие на легенду, греческие Эпос и Проватина, французские ПСМ и Берже, в которых удалось побывать болгарским экспедициям. Да, где только ни побывали наши братья-славяне...

С какой легкостью слетали с губ этих парней недоступные нам имена!

* * *

Пролился дождик SRT на целину советского спелеотуризма.

Что-то впиталось, а больше – стекло.

Болгары уехали страшно довольные. Им показали входы в пещеры Алека, а в завершение вояжа устроили вертолетную экскурсию над Кавказом. И надо же было такому случиться, что, будто специально для этого случая, егеря засекли на хребте в зоне Большого Кавказского заповедника браконьеров. Шоу получилось великолепным: погоня, стрельба – все, как в настоящем детективе. Богатые впечатления о Большом Кавказе для маленькой Болгарии!

Болгары уехали, а семинар продолжался. Все это время меня не покидали настойчивые мысли... Как уцепиться за хвост неудержимо лидирующих каунасцев?

И случай представился. Эрик планировал в 86 году учебно-экспериментальный выезд в Напру для освоения SRT силами двенадцати специально обученных и снаряженных членов своей секции. И, в принципе, не возражал против участия в этой акции команды из Усть-Каменогорска.

Для меня это был главный итог семинара ВИП-85.

***132 SRT** – Single Rope Techniques, техника одинарной веревки.

***133 ПРОХОДНУШКА** – приспособление в виде желоба с перекадинами по дну для грубой промывки золотоносного песка, по которому направляется вода.

- *134 **ГРОХОТ** – крупноячеистое решето для грубого просеивания золотоносной породы.
- *135 **ШЛИХ** – концентрат тяжелых минералов, получаемый в результате промывки.
- *136 **БИЧ** – человек без определенных занятий, перебивающийся случайными заработками по принципу "урвать, где полегче" (сленг).
- *137 **Georges MARBACH, Jan Clod DOBRILLA** "Techniques de la speleologie alpine". Paris, 1973.
- *138 **Montgomery, N.** "Single Rope Techniques" Sydney, 1977.
- *139 **К.Б.Серафимов** "Уходящим", Москва, 1976г.
- *140 **НИЖНИЙ САМОХВАТ** – характерная деталь снаряжения для подъема популярным у нас в то время способом "нога-нога", при котором один из зажимов подвязывался специальным стременем у стопы, а второй – у колена другой ноги. От переворачивания вниз головой кейвера предохранял так называемый "ограничитель отбрасывания", крепившийся на грудной обвязке и в простейшем случае представлявший собой карабин, которым поднимающийся пристегивался к рапели. Позднее на смену карабину пришли специальные планки и ролики. Интересно, что североамериканский кейвинг пришел к своему варианту SRT, где этот способ подъема популярен не меньше, чем в СССР 80-х годов. А вот Западная Европа его так и не полюбила.
- *141 **ШКУРНИК** – шкуродер, трудная для прохождения узость, спелео-сленг.
- *142 **"Гиббс"** – в данном случае зажим, аналогичный по принципу действия изделиям известной североамериканской фирмы. В отличие от эксцентриковых зажимов, "гиббсы" имеют П-образный корпус и двуплечий кулачок, между которыми – именно за счет разницы плеч, зажимается веревка. Для того чтобы расслабить "гиббс", достаточно сжать рукой кулачок и корпус в верхней части зажима. Возможность вот так – в положении проскальзывания, зажать "гиббс" в кулаке и приводила к многочисленным падениям при выполнении самостраховки.
- *143 Наша корделеттная экспедиция в Напру, где я, несмотря на свои убеждения, "всласть" находился о одинарной веревке, состоялась позднее, в августе следующего 1984 года. Но и без нее хватало.
- *144 Позднее такая тактика получила название тактики "турпохода".
- *145 **Ж.Ф.Пернет** "Новый мировой рекорд глубины", "Caving International Magazine" № 11, апрель 1981 г. Канада.
- *146 **Алан Жибер** "Еще один французский километр", "Caving International Magazine" № 11, апрель 1981 г. Канада.
- *147 **MARBACH, G., and ROCOURT. J.L.** "Techniques de la Speleologie Alpine" 1980.
- *148 **ШТАНЫ** – "штанами" в просторечье кейвинга называются разветвляющиеся надвое вертикальные колодцы, по которым возможны различные варианты спуска. В Напре такие вертикальные "штаны" – разломы встречаются в двух местах, в одном из которых мы и заблудились накануне описываемых событий.
- *149 **БОБВИНА ДРЕССЛЕРА** – спусковое устройство, известное у нас под названием "каталка".
- *150 Была такая счетно-механическая древность!
- *151 **Maillon rapid** – стальные и дюралюминиевые аналоги карабинов без пружинной защелки с разъемом, перекрываемым резьбовой муфтой, навинчивающейся на оба конца разъема и тем самым соединяющей МР в замкнутое кольцо. МР значительно (более, чем в 3 раза) превосходят аналогичного класса карабины по прочностным характеристикам.
- *152 **Meredith M.,** "La speleologie verticale". Grenoble, 1979.
- *153 **ВИП-85** – семинар Высшей Инструкторской Подготовки 1985 года стал первым и остался последним семинаром такого высокого ранга в СССР.

Константин Борисович Серафимов
 "ЭКСПЕДИЦИЯ во МРАК"
www.sumgan.com